

Однако ничего этого не произошло, и папа Шао, хотя и обещал разобраться, не сделал этого — Шао Ицянью был заперт в маленькой темной комнате на заднем дворе, где его навещали лишь несколько худых полосатых кошек.

Дверь в комнату не была заперта, но папа Шао, уходя, предупредил:

— Попробуй только выйти, я тебе ноги переломлю.

Шао Ицянью действительно не осмеливался выйти, не потому что боялся, что отец сдержит слово, а потому что считал, что такое наказание вполне заслуженно, и не видел причин для возмущения.

Раньше в комнате стоял гроб, который старик Шао унес в подвал, и теперь оставался лишь пустой деревянный каркас. Шао Ицянью все же немного боялся, эта вещь казалась ему злой и недоброй, поэтому он сжался в углу, свернувшись в клубок, и пристально смотрел на каркас, боясь, что ночью оттуда выскочит какое-нибудь чудовище с зеленым лицом и клыками. Одновременно он прислушивался к звукам во дворе, опасаясь пропустить момент, когда семья начнет его воспитывать.

За окном слышались шаги, которые то приближались к двери темной комнаты, то снова удалялись.

Это ожидание, то нарастающее, то пропадающее, было невыносимым, и после нескольких таких случаев Шао Ицянью смирился, покорно свернувшись в углу, опустив голову и размышляя о чем-то.

На самом деле, если оглянуться на произошедшее, процесс был кровавым, но результат оказался не столь серьезным.

Бабушка Шао, хотя и была в возрасте, и скатилась с такой высоты, в больнице после осмотра оказалось, что у нее лишь ссадина на лице. Этот благоприятный исход был обусловлен увеличившимся объемом талии и бедер, что обеспечило хорошую амортизацию при падении.

Тот парень, которого случайно ранили, получил не смертельную травму — у него была повреждена кожа живота и кишечник, но после экстренной операции его спасли. Больница, следуя правилам, сообщила в полицию, но ребята, будучи незнакомы с законами, боялись, что их тоже посадят на долгие годы, и настаивали на том, что это была случайная травма в ходе игры.

Семья Шао оплатила лечение и быстро выплатила компенсацию в размере более 10 000, чтобы уладить дело с пострадавшим.

К счастью, бабушка не пострадала серьезно, это была лишь ложная тревога, иначе Шао Ицянью бы не отделался просто темной комнатой.

На следующее утро, после того как Шао Ицянью провел ночь в холоде, он начал дремать, но вдруг услышал, как костыль стучит по каменным плитам, приближаясь. Он мгновенно проснулся.

Бабушка Шао открыла дверь, медленно подошла к каркасу гроба, оперлась на костыль и села, протянув руку к Шао Ицянью, мягко сказав:

— Подойди.

Ссадина на ее лице была отчетливо видна, расположенная прямо под скулой на правой щеке, что подчеркивало ее возраст и хрупкость.

Шао Ицяннь, опираясь на стену, встал, но из-за того, что всю ночь провел в неудобной позе, его тело онемело, и он пошатнулся, сделав первый шаг. Он медленно подошел к бабушке, и еще не дойдя до нее, его глаза наполнились слезами, и он тихо прошептал:

— Бабушка, я правда не нарочно.

Когда между ними оставался всего один шаг, Шао Ицяннь остановился, опустил голову и стоял, скованно, руки спрятаны в рукавах школьной формы.

Бабушка вздохнула, потянула его к себе, подняла его лицо и мягко вытерла его платком, убирая слезы и сопли с его лица.

Шао Ицяннь всхлипнул, и чувства горечи и вины, как две ладони, начали хлестать его по лицу.

— Чего реवेशь? Если бы слезы помогали, людям бы не нужно было ничего уметь, кроме того, как красиво плакать.

Услышав это, Шао Ицяннь подавил всхлипы, но нос все равно болел, и слезы текли по щекам, которые раздулись, как у булочки.

На самом деле он редко плакал, старшие в семье всегда были строги, и чем больше он плакал, тем сильнее его наказывали, поэтому с детства у него выработался рефлекс: «Чем больше меня бьют, тем меньше я плачу, чтобы разозлить вас».

Сейчас же, отпустив свои слезы, его глаза, от природы слегка раскосые, покраснели, и бабушка невольно смягчилась — у этого ребенка было слишком мягкое лицо, с избытком женственности, что-то в нем притягивало и сбивало с толку. Неудивительно, что Чэнь Мэн, общаясь с ним, начал терять чувство справедливости — явно он попал под влияние этого лица.

Раньше она беспокоилась, что Шао Ицяннь вырастет слабаком, но теперь она больше не переживала по этому поводу.

Шао Ицяннь ждал долго, но так и не услышал ни слова, осторожно поднял голову и посмотрел на бабушку. Его осторожный вид рассмешил ее:

— Теперь-то ты на лицо смотришь? А раньше куда смотрел? Сколько я тебе добра желала, чуть ли не на коленях стояла, просила не искать проблем, а ты всё мимо ушей. Теперь понял, что ошибся? Но, к сожалению, я, старая карга, всё еще жива, так что, молодец, когда ты еще какую-нибудь дрянью устроишь? Чтоб меня одним махом доконал?

Шао Ицяннь, услышав это, задрожал, стараясь сдерживать рыдания, прикусив нижнюю губу.

Бабушка, не удовлетворившись сказанным, продолжила спокойным тоном:

— Когда решишься, дай мне знать, я приоденусь и тогда — один махом и всё!

Шао Ицяннь побледнел, дыхание перехватило, и он закашлялся. Он хотел сказать, что это не так, что он лишь защищал себя и не хотел никому причинять вреда, но бабушка, видимо, не собиралась слушать его оправдания.

И он был уверен, что если бы он действительно сказал это, бабушка бы его ударила — нужно

отвечать за свои поступки, а не искать оправдания.

Наступила тишина.

Бабушка и внук сидели так некоторое время, затем бабушка достала из кармана маленькую красную книжечку с золотыми иероглифами — Книгу регистрации домохозяйства.

Тогда документы о регистрации только обновили, и вместо старых книжек с несменяемыми страницами ввели новые с вынимаемыми листами. Неизвестно, зачем это сделало правительство, но в данном случае это было удобно для бабушки, которая смогла вынуть страницу с данными Шао Ицян.

Когда тонкий листок оказался перед ним, Шао Ицян замер, поднял голову и, срывающимся голосом, спросил:

— Бабушка, ты... ты меня не хочешь?

Бабушка покачала головой, протянула листок, но Шао Ицян отшатнулся, спрятав руки за спину... но бабушка потянула его обратно, сложила листок дважды и аккуратно положила в карман его школьных брюк.

Шао Ицян не выдержал и зарыдал, плача так, будто старался выплакать все слезы, которые не пролил за все эти годы.

Его били до синяков, но он всегда держался, говорил, что ему все равно, что это не больно, как укол. Но сейчас, когда никто даже не тронул его пальцем, он чувствовал, что единственное, что он может сделать, — это плакать, чтобы вернуть что-то важное.

Но бабушка на этот раз была непреклонна, она спокойно сидела и наблюдала, как он рыдает, неторопливо говоря:

— Уходи. Вижу, никто тебя здесь не урезонит. Ты любишь шляться снаружи? Иди. А то боюсь, как бы ты всю семью на дно не утянул и крышу над головой нам не снес.

Эти слова стали пробкой, которая заткнула его слезы, и в глазах остался лишь глубокий страх. Он смотрел на бабушку, пытаясь понять, пугает ли она его, чтобы он взял себя в руки, или действительно собирается выгнать его из дома —

<http://bllate.org/book/16843/1549743>